

А. Г. СЕМАШКО

**Синодальный
XIX век в истории
отношений
государства и РПЦ**

История взаимоотношений Русской Православной Церкви (РПЦ) и государства подтверждает

важность роли церкви в политическом, экономическом, правовом и культурном укладе России.

Значение и актуальность изучения вопросов роли вероисповеднического компонента в жизни общества так мотивирует в одной из своих многочисленных работ В. И. Жуков: «... нельзя изучать социальные вопросы, тем более прогнозировать развитие событий без учета религиозного фактора, который поразному, но всегда ощутимо проявляется в социальной истории и политическом развитии государства».

Рассматриваемый нами исторический период — XIX столетие — монархический период в истории российского государства и полностью синодальный в истории Рус-

ской Православной Церкви. Государственная власть в этот период считалась богоданной, на деле сочетая

духовный авторитет с самодержавной авторитарностью.

Взаимоотношения государства и церкви в XIX столетии в области социальной политики представляли из себя хорошо развитую систему социальных мероприятий церкви и государства, что было обусловлено тем фактом, что абсолютное большинство членов российского общества XIX века, — от императора до крепостного крестьянина, — осознавало свою безусловную принадлежность к соборной православной церкви, в которой каноническими правилами жизни для каждого христианина установлена обязанность жертвовать и благотворить. Именно поэтому в XIX веке благотворение не было особой привилегией избранного класса, благотвори-

рителями становились императоры и их жены, мещане, купцы и другие категории населения России. При этом благотворили все выше перечисленные как в качестве частных лиц, так и в качестве создателей-организаторов (учредителей — совр.) государственных или общественных заведений для оказания разного рода социальной помощи. Христианская благотворительность, милосердие, меценатство пропагандировались регулярными публикациями отчетности по этому направлению общественной, государственной и церковной деятельности.

Главной чертой отношений светской и духовной власти в России XIX столетия был абсолютный контроль государства за жизнью церкви.

Ни один серьезный вопрос по управлению церковью не мог быть решен без одобрения императора, а на местах — без согласования со светской администрацией губерний и земель. Православная церковь XIX века была, по сути, государственным институтом. Святейший Синод и «око государево» в нем — обер-прокурор — выполняли роль передаточного звена в исполнении «наместника Бога на Земле».

В XIX веке РПЦ представляла собой хорошо развитый социальный институт с разветвленной системой управления, множеством всевозможных комиссий, комитетов и контор по различным направлениям церковной жизни: миссионерской, учебной, благотворительной, хозяйственной, статистической, церковно-археологической, причем как на уровне центрального управления, так и в епархиях.

Основой церковно-административного деления России в XIX веке были церковные округа — епархии, границы которых были приведены в соответствие с губернскими. К началу XIX века в России числилось 37 епархий, к началу реформ епархий насчитывалось уже 57 (для сравнения в 2000 году — 130 епархий), православного населения — более 52 млн человек, а в 1890 г. — более 60.

Епархии подразделялись на духовные правления, а те в свою очередь на благочи-

ния, в непосредственном ведении которых находилось до 30-ти церковных приходов, которые являлись наиболее мелкой церковно-административной территориальной единицей. Церковь сохраняла свой суд, имела широкую сеть духовно-учебных заведений для подготовки сыновей священно- и церковнослужителей. Главу епархии назначал император из трех кандидатов архиерейских чинов, предлагаемых Синодом. При епархии находилась консистория, которая ведала назначением и смещением священнослужителей, а также привлечением их к церковному суду за правонарушения по должности. На правах епархий находились управления придворного и военного духовенства.

До конца XVIII века за церковными приходами сохранялось право выбирать себе священника, однако на практике в подавляющем большинстве случаев священники в приходы назначались. Павел I отменил формальное право выборности священников. Приходские должности передавались по наследству — как правило, старшему в семье, обязанному закончить духовное училище. Остальные сыновья являлись кандидатами на могущие открыться вакантные приходы. Если у священника были только дочери, то за старшей сохранялось «место», которое занимал ее муж, обязательно из духовной среды и окончивший духовное училище.

В церковной иерархии приходские священнослужители занимали место после монашествующего духовенства.

Церковная иерархия представляла собой следующее:

а) монашествующие (черное духовенство) — епископат и архиереи: патриарх, митрополит, архиепископ епископ; монахи в священническом сане, возглавляющие монастыри (настоятели): архимандрит, игумен, иеромонах, монах (инок), иеродиакон — монах, рукоположенный в диаконский сан, послушник — еще не принявший постриг, схимонах монах, принявший на себя особое послушание. В женских монастырях: игуменья — настоятельница женского монастыря, монахиня, послушница.

б) священнослужители (белое духовенство): протопресвитер, священники (протоиерей иерей), диакон (с посвящением в диаконский сан), церковнослужители: иподиакон (без посвящения в диаконский сан), причетник (псаломщик, дьячок).

К белому духовенству, по законодательству XIX века (Закон о состояниях. Св. Закон. Т. IX), принадлежали протопресвитеры, протоиереи, иереи (священники), диаконы, а также причетники в звании псаломщика (дьячки). Духовенство разделялось на епархиальное (причты кафедральные, приходские, домовые), военное и морское, придворное, заграничное. Военное и морское духовенство назначалось на должности и управлялось протопресвитером военного и морского духовенства. Придворное духовенство имело своей главой тоже отдельного протопресвитера. Причты заграничных церквей были подведомственны Санкт-Петербургскому епархиальному начальству и Синоду (в настоящее время — это юрисдикция Московского Патриархата). Священник был обязательным членом церковно-приходских попечительств и имел право основывать учреждения, преследующие благотворительные цели (богадельни, школы, братства, попечительства). В городских думах и земских собраниях священники участвовали в качестве уполномоченного духовного начальства. Также они несли ответственность за акты гражданского состояния православного населения государства.

Духовенство, на основании действовавших в XIX веке законов, считалось привилегированным классом российской империи. Оно освобождалось от телесных наказаний, воинской повинности и всех личных податей. Дома церковно- и священнослужителей и строения, принадлежавшие архиерейским домам и монастырям, были свободными от воинского постоя, поземельного сбора и городских повинностей. Духовенство имело право приобретать и отчуждать наравне с другими гражданами земли в городах и селах. Средства содержания белого духовенства в XIX веке складывались из казенного жалования, зе-

мельных наделов, свободных от налогов, добровольных приношений прихожан.

К черному духовенству в России XIX века относились монашествующие: послушники, монахи, иеродиакон, иеромонахи, игумены, архимандриты, епископы.

Являясь составной частью системы институтов РПЦ, монастыри подчинялись верховной власти Святейшего Правительствующего Синода и российского императора. Самые древние и знатные обители имели статус ставропигиальных (т.е. в непосредственном ведении Синода), остальные монастыри имели положение епархиальных, т.е. находились в ведении местного архиерея. Монастыри различались также на штатные и заштатные. Первые получали пособие от казны, вторые существовали за счет пожертвований верующих, доходов от имущества и монашеских трудов. Штатные монастыри разделялись на 3 класса, соответственно сумме казенных пособий и престижности. В XIX веке классность монастыря была показателем его знатности. Среди первоклассных монастырей особое положение занимали лавры. Юридическое положение монастырей и монашествующих определялось «Сводом законов Российской империи». Монастыри имели право на обладание отводимыми им земельными наделами, но не могли их продать, а только сдать в аренду. Монастырям запрещалось владеть населенными имениями.

В 1825 г. монастырей насчитывалось 476. В течение XIX века количество их увеличилось на 78%, а количество в них находившейся монашеской братии неуклонно возрастало: в 1825 г. — 11 080 человек, в 1860 г. — 21 802 человека, в 1900 г. — 58 283 человека.

Прослойка выходцев из дворян играла в монашестве заметную роль. В печати XIX века распространен термин «монахи-аристократы». Среди монахинь в XIX веке известны имена: графини М. Н. Толстой (сестры Л. Н. Толстого), монахини Евгении (дочери московского сенатора С. Н. Озерова и внучки князя Мещерского), монахини Митрофании (в миру — баронессы П. Г. Роден), настоятельница Псковского монастыря Анастасия.

тасии (в миру великой княгини Александры Петровны).

Монастыри обладали большой притягательной силой для крестьян. Кроме чисто религиозных мотивов, имело значение то, что, приобщаясь к монастырской жизни, крестьянин поднимал свой социальный статус. Также монашество избавляло от голодовок, которые постоянно преследовали крестьянина в мирской жизни. В середине XIX столетия крестьянская прослойка в монашестве была еще невелика, но это потому, что крепостное право и различные сословные ограничения прочно удерживали крестьянина в деревне. И все-таки уже тогда некоторые монастыри имели крестьянский облик. Например, «мужицкой обителью» называли Валаамский монастырь. Выходец из тверских крестьян Дамаскин был настоятелем Спасо-Преображенского Валаамского монастыря с 1839 по 1881 г. Всего он прожил на Валааме более 60 лет. Преемником Дамаскина стал Ионафан, вышедший из среды московских рабочих.

Уникальность XIX столетия отечественной истории заключается в том, что он явился единственным в своем роде вековым синодальным периодом РПЦ.

С первых шагов своего существования на Руси православие утверждалось как религия, тесно взаимодействующая с государством. Церковь способствовала процессу соединения русских земель, вносила существенный вклад в борьбу с внешней угрозой, помогала светской власти решать задачи, в целом совпадающие с общенациональными интересами. Она выступала как крупный собственник земли, чинила судопроизводство, исполняла ряд важнейших государственных функций, что обусловило превращение православия в официальную идеологию.

Православная Церковь XIX века была институтом, тесно связанным с государственными структурами.

Государственно-церковные отношения в области социальной политики определялись в XIX веке каноническими правилами жизни православного христианина, которые обязы-

вали жертвовать, благотворить, быть милосердным. Свой христианский долг выполняли все: от крепостного крестьянина до государя-императора. Именно по причине возрастания престижности благотворения в XIX веке наблюдается активное развитие всех форм социального служения под сенью РПЦ: государственной, общественной и частной.

«Огосударствление» Православной Церкви в XIX веке не укрепило, а ослабило ее позиции. Союз православия и самодержавия обусловил связь революционно-демократического с распространением антицерковного, антирелигиозного движений. Церковная реформа 60–70-х годов XIX столетия, носившая долгосрочный и многоцелевой характер, наряду с другими преобразованиями Александровской эпохи, готовилась не церковью, а государством. В самой церковной среде в конце XIX — начале XX века возникли различные течения, стремившиеся к «обновлению» православной церкви, к поднятию ее авторитета и морального уровня духовенства. Уже в конце XIX века стали выдвигаться в церковной и околоцерковной среде требования освободить православную церковь от жесткой опеки государства, в частности, превратить Синод в «Синодальное правительство Всероссийского собора», не зависимое от светской власти. Высказывались мысли и необходимости восстановления патриаршества в России.

XIX век — составная часть Синодального периода РПЦ — был разрушительным для нормального развития религиозной жизни верующих. В огосударствлении РПЦ лежат истоки ее трагедии в XX веке. Безусловно, отрыв общества от православных традиций в XIX столетии был в зачаточном состоянии, а истоки его следует искать в событиях эпохи Петра I, а именно: в устранении патриаршества и фактическом признании царя главой церкви, когда понятие патриотизма наполнилось совершенно новым содержанием — внерелигиозным: Ярослав Мудрый, Александр Невский, первый царь Алексей Михайлович Романов неразрывно связывали любовь к Родине с православной верой; от-

правляясь на защиту Отечества, князя просили благословения у духовников, у старцев и подвижников веры. Начиная с Петра I, это воспринималось лишней символикой, хотя и Петр I и все следующие за ним императоры были патриотами своего земного Отечества.

История православной церкви и ее взаимоотношений с российским государством свидетельствует о неоспоримой роли вероисповеднического компонента в политической, социальной, культурной и духовной жизни общества. В многонациональной России XIX в. православие исповедовала большая часть населения. Как и сейчас, влияние православия не распространялось на ту часть населения страны, которая исповедовала католичество, протестантизм, мусульманство, иудаизм и другие религии, кроме того среди русского населения насчитывались миллионы «отпавших от православия», старообрядцев и сектантов. Следствием раскола в церкви в результате вестернизации национальной культуры стало различное отношение к православной церкви со стороны различных слоев общества. В этих условиях церковь находила поддержку и понимание, прежде всего, в среде крестьянства, мещанства, купечества и духовенства. В отношении крестьянина к священнику продолжало сказываться осознание зависимости в решении многих жизненных вопросов: регистрация рождений, браков и смертей, участие в церковноприходской жизни. Отчасти поэтому церковь оставалась рычагом царского самодержавия, оказывавшим влияние на умы крестьянства, используя его непросвещенность и вероисповеднические обязанности. Духовенство, которое канонически должно было доносить и поддерживать среди своей паствы традиции православного миропонимания, к концу столетия утратило свои привлекательные позиции в среде значительной части крестьянства и демократической интеллигенции.

Заимствованный у Запада подход к решению проблем, возникавших у государства во взаимоотношениях с церковью, породил бюрократический характер управления ею, превратил пастырское служение в род государственной службы, священнослужителей — в чиновников, выполняющих полицейские функции. В конфессионально-смешанной империи вероисповеднические поступки императоров XIX века часто выглядели неоднозначно. С точки зрения строгого канонического взгляда было исключено, чтобы православный царь посещал неправославные церкви или нехристианские молитвенные дома и участвовал в богослужениях. Однако иногда внутривнутриполитическая ситуация вынуждала эти каноны нарушать. Павел I попытался соединить корону православного императора с крестом католического ордена, при этом не задумываясь о последствиях и целесообразности такого шага. Царь Александр III посещал буддистские дацаны и оставался там на богослужениях. Царь Николай II также во время мировой войны посещал католические церкви, иудейские синагоги, мусульманские мечети, присутствовал на богослужениях, целовал католический крест. С точки зрения церкви эти факты — нарушение канонов православия. Однако в качестве главы надконфессиональной империи российские императоры были обязаны поступать именно так.

Задачи и деятельность церкви и государства в XIX веке в области решения социальных вопросов совпали в стремлении совершать каждодневное насущное служение и осуществлять Божественную спасительную миссию церкви. В это время имели место следующие области сотрудничества государства и церкви: материальная помощь нуждающимся, общественное призрение, повышение образовательного уровня населения, воспитание патриотических чувств, влияние на развитие отечественной культуры.